

Лао Цзы
Саади Ширази
Омар Хайям
Конфуций

ВОСТОЧНАЯ МУДРОСТЬ

подарочная книга на века

Омар Хайям

Восточная мудрость

«АСТ»

УДК 82-84
ББК 94.8

Хайям О.

Восточная мудрость / О. Хайям — «АСТ»,

ISBN 978-5-17-101822-1

Притча пробуждает светлые и благородные чувства, позволяет расслабиться и быть в гармонии с собой. Наша книга хранит восточные притчи Омара Хайяма, Конфуция, Лао-Цзы, Саади Ширази. Накопленная мудрость великих философов и гениев, попадает прямо в сердце. В непростых ситуациях помогает человеку принять правильное решение и с уверенностью двигаться вперед.

УДК 82-84
ББК 94.8

ISBN 978-5-17-101822-1

© Хайям О.
© АСТ

Содержание

Саади Ширази	7
Притча	7
Рассказ	8
Притча	9
Продолжение советов царям	10
Рассказ	11
Рассказ	12
Рассказ	13
Рассказ	15
Рассказ	16
Рассказ	17
О сочувствии беднякам	19
Голод в Дамаске	20
Рассказ	21
Рассказ	23
Отшельник и череп	25
О добрых и злых делах и их последствиях	26
Насильник, упавший в колодезь	27
Притча	28
Притча	29
Рассказ	30
Рассказ	32
Крепость Кизил-Арсалан	33
Рассказ	34
Рассказ	35
Халиф Аль-Мамун и невольница	36
Рассказ	37
Борец и череп	38
Об отражении врагов средствами искусной политики	40
О милости к сиротам	43
Рассказ об Аврааме	44
Рассказ	45
Рассказ	46
Рассказ	48
Рассказ	49
Рассказ	50
Рассказ	51
Рассказ	53
О Добrote и милосердии	54
Рассказ	55
Муравей	57
О щедрости и великодушии	58
Рассказ	59
Рассказ	60
Подвижник-скряга	62
Рассказ о Хатэме Тайском	63

Рассказ о Йеменском царе и Хатэме	65
Рассказ о пророке Мохаммеде и дочери Хатэма	67
Еще о щедрости Хатэма	68
Рассказ	69
Рассказ	70
Рассказ	72
Рассказ	73
Скупой отец и расточитель-сын	74
Рассказ о ничтожном благодеянии и великой награде	75
Рассказ	77
О недостойных милосердия	78
О милости к недостойным. Рассказ о жене и муже	79
Рассказ	82
О самозабвении в любви	84
Рассказ	85
Рассказ о владычестве любви	87
Притча	88
Рассказ	89
Рассказ	90
Рассказ	91
Рассказ	92
Рассказ	93
Рассказ о победе любви над разумом	94
Рассказ	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Саади Ширази, Лао-цзы, Конфуций, Омар Хайям Восточная мудрость

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Саади Ширази *Перевод К. Чайкина*

Притча

Вот притча, что нам рассказали без лжи
Ревнители веры и правды мужи:
Мудрец раз на барса воссел и на нем,
Змею взявши в руки, поехал верхом.
Тут некто воскликнул: «Друг божий, скажи,
Сего как достиг ты? И путь укажи!
Как хищник тебе подчинился во всем?
Ужель овладел ты волшебным кольцом?»
Ответил: «Не диво, что эти в плену!
Могу приказать и орлу, и слону.
И если завидна подобная власть,
Пред богом ты должен смиренно упасть.
Ему подчинившись во всем до конца,
Обращаешь охрану и помощь творца».
Господь своего боголюбца-слугу
Ужели предаст на потеху врагу?
Вот истины путь впереди пред тобой,
Найдешь все, что хочешь, пойдя той тропой.
К советам Са'ди коль внимателен ты,
Найдешь исполнение желанной мечты!
Прощаясь с жизнью, почти бездыхан,
Так сыну Хормизду сказал Нуширван
«Ты слабым и бедным защитником будь,
О счастье своем и покое забудь!
Кто в царстве твоём успокоен, храним,
Коль ты озабочен покоем своим?»

Рассказ

В тот час как навеки глаза закрывал,
Хосров к Шируйэ перед смертью воззвал:
«Какой бы ты замысел ни возымел,
Подумай о подданных прежде всех дел.
Ты будь правосуден, дела свои взвесь,
Не то опустеют и нива, и весь.
Народ убежит от тирана-царя,
Повсюду лишь злое о нем говоря.
В основу всех дел если зло ты кладешь,
Свой корень подрежешь, плода не сберешь.
Не столь разрушительны войны, ей-ей,
Как матери слезы, лишенной детей,
И светоч, возженный обидою вдов,
Немало, ты знаешь, пожег городов.
Но ежели правдой царит падишах,
Всегда он пребудет удачлив в делах.
Когда же почует он в бозе, народ
Молитвы свои на погост принесет.
Конец одинаков и добрым, и злым,
Все ж лучше добром коль помянут одним.
Кто богобоязнен, того назначай
На должность – он ладно устроит весь край.
Кто подать собирает, обиды творя, –
Людей угнетатель и недруг царя.
Главенство, от коего руки взнесло
В мольбе население – ужасное зло.
Кто доброе сеет – добро его плод,
Кто злое посеет – злодейство пожнет.
Легко угнетателей, царь, не карай,
Исторгнуты плевелы будут пускай.
Пусть сих кровопийц не жалеет твой суд,
С их жирного тела пусть кожу сдерут.
Пусть вовремя волка постигнет конец,
Чтоб он не терзал беззащитных овец.

Притча

Однажды, со всех угрожая сторон,
Купца обступили разбойники... Он
Вскричал: «Если дерзок разбойник и тать,
То шахское воинство – бабам подстать!»
Ах, если властитель купечеству враг,
Народ свой и войско лишает он благ.
Придет ли разумный торговец туда,
Откуда грозит для торговли беда?
Властитель, чтоб доброе имя снискать,
Обязан купцов и послов охранять.
Властитель, получше послов принимай –
Тебя по вселенной прославят пускай.
Беда угрожает стране, если там
Обиды чинят чужестранным гостям.
Найдут чужестранцы привет и приют
И добрую молвь о тебе разнесут.
С гостями будь ласков, с посланцами – мил,
Смотри, чтоб никто их обидеть не мнил.
Но все ж не бросай осторожности: вдруг
Врагом твоим станет, кто с виду был друг.
Зато от сподвижников старых не жди
Отнюдь вероломства, но их награди;
И если из них постарел кто-нибудь,
Смотри, о заслугах его не забудь.
Коль верный сановник беспомощно стар,
За верную службу да примет он дар.

Продолжение советов царям

Коль воду закон запрещает – не пей,
Фетвою потребуют крови – пролей!
Ведь так? Посему, коль прикажет фетва,
Преступная пусть упадет голова.
Но если преступник оставил семью,
Излей на нее благосклонность свою.
Пусть кару претерпит злокозненный муж,
Страдания жены и младенца к чему ж?
Пусть войском богат ты, властитель, и смел,
Но все ж не вторгайся во вражий предел.
Ведь в крепость враждебный властитель уйдет,
Бедна на невинных и бедных падет.
Сидящих в тюрьме да не минет твой глаз,
Бывает меж ними невинный подчас.
Случится ль торговцу в стране умереть,
Именем его не стремись завладеть.
Сберется семейство над мертвым отцом,
Поплачут и, знаешь, что скажут потом:
«Скончался бедняга в пределе чужом,
Насильник же царь овладел всем добром».
Страшись, падишах, обездоленных ты,
О, бойся стенаний и слез сироты!
Стенанья сирот заставляли упасть
Нередко царей долголетнюю власть.
Владыки, чья слава во веки веков,
Не льстились отнюдь на добро бедняков.
Будь ты хоть всемирным владыкой, но лишь
Ограбишь торговца, ты – жалкий дервиш.
Ведь муж благородный скорее умрет,
Чем отнятым хлебом наполнит живот.

Рассказ

Один падишах, хоть и славно царил,
Из ткани подкладочной платье носил.
«Счастливый владыка, – сказали ему, –
Парчовое платье не шьешь почему?»
Ответил: «Довольно прикрыт я и так,
А платья другие – роскошества знак.
Ужель для того собираю налог,
Чтоб, сидя на троне, роскошничать мог?
Надевши, как жены, роскошный убор,
Как дам я врагу надлежащий отпор?
Быть может, и прихоть во мне не одна,
Да разве затем существует казна?
Казна не затем, чтоб мой двор мог сиять,
Казна для того, чтоб крепка была рать.
Коль воины будут бедны, голодны,
Не станут блюсти безопасность страны.
Налог, десятину затем ли берем,
Чтоб враг завладел земледельца ослом?
Царь подати тащит, противник – осла,
Ну, как процветут государства дела?»
Бесчестно тех грабить, кто смирен и прост,
Так тащит зерно у мурашика дрозд.
Твой подданный – древо, взлелей и вспои –
Плоды соберешь ты в сушильни свои.
Из почвы его вырывать не моги,
Ведь только глупцы для себя, как враги.
Кто к подданным не был жесток и суров –
Тот счастья вкусит прекрасных плодов.
И подданный если тобой разорен,
Страшись, коль ко господу взмолится он.
О, крови не лей в беспощадной войне,
Коль мирным путем воцариться в стране
Чужой ты сумеешь! Властитель, ей-ей,
Не стоит владычество крови людей!

Рассказ

Я слышал, что славный властитель Джемшид
Сие изречение врезал в гранит:
«Бывало здесь много царей в оны дни,
Все скрылись бесследно навеки они.
Боролись и мир покоряли войной,
Но в гроб ничего не забрали с собой.
Ушли. Всяк пожал, что посеял сперва,
На свете осталась от них лишь молва».
Противника если беспомощна рать,
Довольно с него, не стремись добивать.
И лучше пусть враг досаждают, грубя,
Чем кровь пролитая падет на тебя.

Рассказ

Раз Дарий – один из славнейших царей –
Охотясь, отбился от свиты своей.
Пастух устремился навстречу один.
Подумал, увидев его, властелин:
«Наверно питает он умысел злой,
Да будет пронзен он на месте стрелой».
Он в миг изготовил свой лук и хотел
Пронзить человека одною из стрел.
Пастух завопил, обуял его страх:
«Не враг я, в меня не стреляй, падишах!
Ведь я из твоих же, о царь, пастухов,
Я службу справляю средь этих лугов».
Испуганный царь, успокоившись, так
С улыбкою пастырю молвил: «Добряк!
Помог тебе, видимо, ангел Серош,
Ты мог бы погибнуть: мой выстрел хорош».
Пастух рассмеялся и молвил царю:
«Коль правду скажу я, добро сотворю.
Ах, это большой недостаток царей –
Не ведать отличья врагов от друзей!
Из подданных кто б ни столкнулся с тобой,
Ты должен бы знать про него: кто такой.
Ты видывал в замке меня, падишах,
О пастбищах спрашивал, о табунах.
Я ныне с любовью навстречу бегу –
Ко мне ты отнесся как будто к врагу.
Могу распознать я любого коня
Из тысяч других, если спросишь меня.
Я тверд и разумен в служебных делах,
Будь пастырем паствы народной, о шах!»
Совет показался властителю мил,
И он пастуха за него наградил.
Пошел он и думал: «Запомню навек,
Что молвил сегодня мне сей человек».
Ах, если мудрей властелина пастух,
В том царстве увидишь немало разрух!
Превыше Сатурна коль взнесся твой трон,
Властитель, услышишь ли жалобный стон?
Так чутко дремли, чтобы жалобы крик
Мгновенно в твой слух беспокойный проник.
Ведь если обижен кто в царстве твоём,
Ты также виновен в насилии том.
Кусая прохожих, виновен не пес,
А тот человек, у кого он возрос.
Владеешь ты словом, Са'ди. Так вперед!

Как меч, это слово победу дает.
Скажи все, что знаешь, – одобрит господь.
Долой лихоимство и грешную плоть!
Иль жадничай грубо, но истин не жди,
Иль, плоть обуздав, молви правду, Са'ди!

Рассказ

Узнал раз один из Иракских князей,
Что некий бедняк так стонал у дверей:
«С надеждой пред дверью предстанешь и ты,
О князь! Потому не гони бедноты!
Коль муки не хочешь ты в царствии том,
Со скорбным будь ласков и добр с бедняком –
Отринув мольбу и о помощи стон,
Нередко владыки теряют свой трон.
В дворце ты вкушаешь полдневный покой,
А бедных на улице мучает зной.
Так знай же: поможет несчастному бог,
Коль прав от царя он добиться не мог».

Рассказ

В преданьях о прежних царях на земле
Читаем, что, как воцарился Тукле,
Страною стал править превыше похвал,
Обиды никто от него не видал.
Он раз мудрецу в разговоре изрек:
«Я правил достойно, но близок мой срок,
Все царства проходят бесследно, и днесь
Я мыслю: бедняк всех счастливее здесь.
Чтоб годы последние не потерять,
Хочу я, о мудрый, отшельником стать».
Услышал мыслитель реченье царя,
«Довольно! – воскликнул он, гневом горя. –
Путь к богу не в рясе, не в четках, Тукле,
А в том, чтоб народу служить на земле.
На царственном троне сиди, как сидишь,
Будь нравом смиренен и чист, как дервиш.
Будь чистосердечен и искренен будь,
Пустые ненужные речи забудь.
Ведь богу потребны дела, не молва,
Ведь вера без дела, о царь мой, мертва.
К чему власяница, коль клад чистоты
Скрываешь под царской одеждою ты?»

Рассказ

В степи, где Сирийскому краю конец,
В пещере укрылся от мира мудрец.
В сем темном пристанище, подвиг верша,
Довольством его наслаждалась душа.
Обличием тощ, нравом ангел он был,
А имя его Холадуст-Феофил.
Пещеру святой не хотел покидать,
И к ней на поклон собиралась знать.
В смирение и в нищенстве каждый мудрец
Плотским вожделениям видит конец,
Влачит из деревни в деревню он плоть
Свою, чтоб ее искушенья бороть.
В краю, где спасался сей старец честной,
Правителем был угнетатель лихой,
Насилья которого претерпевал
Безропотно всякий, кто беден и мал.
Безжалостен, мрачен, свиреп и хитер,
Над краем печаль он и скорбь распростер,
И часть населенья бежала, о зле
Чинимом молву разнося по земле,
Другие ж остались, бессильны пред злом,
Проклятья твердили и ночью, и днем.
О горе! В местах, где вселилась беда,
Смеющихся уст не видать никогда.
Правитель к отшельнику ездил порой,
Вниманья ему не дарил муж честной.
И вот он воззвал: «О любимец небес!
Почто на меня не возводишь очес?
Я с дружбой к тебе прихожу, почему ж
Враждебно меня ты встречаешь, о муж?
Забудем, что я управитель земли,
Как нищим, внимание мне удели.
О нет, не прошу я меня предпочесть,
Как всем, окажи мне такую же честь».
Услышал воззвание сие Холадуст,
И гневное слово сорвалось с уст:
«Внемли же, о князь! Ты – насильник людей,
Любить не могу я подобных князей.
Я господу друг, ты же враг его злой,
И в дружестве быть не могу я с тобой.
Тебя ведь врагом почитает господь,
И мне ли враждебность к тебе побороть?
И если ты дружбу ко мне возымел,
Не делай враждебных создателю дел.
И если ты руку целуешь мою,

Ступай и люби всех, кого я люблю.
Коль другу господнего друга ты враг,
Друг божий тебя не полюбит никак».
Едва ли насильник спокойно заснет.
Коль подданных будит насилия гнет!

О сочувствии беднякам

Не надо насилья над теми, кто сир,
О царь! Постоянства не ведает мир.
На слабого ты не накладывай гнет,
Ведь может случиться, что в силу войдет.
Пощады не жди, если тот победит,
Кто сам от тебя натерпелся обид.
Врага уважай, хоть и мал он на взгляд:
Есть горы – из мелких камней состоят.
Коль вдруг муравьи сообща нападут,
Осилят и льва, как бы ни был он лют.
Один волосок шелковинки слабей,
Сплетенный с другими, он крепче цепей.
Спокойствие близких дороже казны,
Она ни к чему, были б души вольны.
Правитель, имей уважение к правам,
Смотри, как бы не был бесправен ты сам.
Терпи, угнетенный! Наступит черед:
Усилишься ты, а тиран твой падет.
Духовно действуй на буйство людей,
Духовные силы телесных сильней.
Засмейтесь, уста угнетенных, ведь власть
Тирана должна же когда-нибудь пасть.
Встаем, барабанный слышавши бой,
Но как безразличен нам сторож ночной!
В свои погружен караванщик дела,
Его не заботят страданья осла.
Страданья тебе неизвестны, пускай,
Все ж, видя несчастных, в беде помогай.
Коль ты не слушаешь – жаль, но сейчас
Хочу привести я об этом рассказ.

Голод в Дамаске

Раз голод ужасный упал на Дамаск,
Забыли любовники радости ласк,
Скупилось небо, иссохла земля,
Забыли о влаге леса и поля;
Вскипели от зноя источники вод,
И влага была лишь в очах у сирот,
А если б дымок заприметили вы –
То были стенанья и вздохи вдовы;
Деревья без листьев, без свежих ветвей,
И немощны руки былых силачей;
Сады саранча пожирала, и вот –
Пожрал саранчу с голодухи народ.
Тогда-то приятель меня посетил;
Весь – кожа да кости, болезнен и хил,
А прежде был знатен, богат и силен.
Такой переменной я был удивлен,
Спросил я его: «О мой искренний друг,
Что случилось с тобой неожиданно, вдруг?»
На это он гневно в ответ произнес:
«Ужели не знаешь? К чему сей вопрос?
Ужели не видишь мучений людских?
Ведь горе достигло пределов своих.
Нам более влаги не шлют небеса,
До них не доходят мольбы голоса!»
«Тебе что за дело? – сказал я в ответ. –
Яд страшен, где противоядия нет,
Ведь мрут неимущие, ты же богат;
Ведь утку разливы воды не страшат».
Мой друг, с сожаленьем взглянув (на глупца
Так смотрят обычно глаза мудреца),
Ответил: «Ужель не протянешь руки,
Увидевши друга в стремнинах реки?
Не голоден сам я, но видя, как мрут
От голода люди, стал бледен и худ;
Разумный, равно как от язвы своей,
Страдает, увидевши язвы людей, –
Я сам, славу богу, и цел, и здоров,
Но весь трепещу я от язв земляков;
Здоровый, сидящий бок о бок с больным,
Смущен и расстроен соседством таким.
Я вижу голодных кругом, и кусок
Становится в горле моем поперек;
Тому, чьи друзья в заточеньи сидят,
Едва ли приятным покажется сад».

Рассказ

Народная месть, пробудившись, дотла
В Багдаде полгорода ночью сожгла.
Один из торговцев был рад, что пожар
Не тронул ни лавку его, ни амбар.
Веселье его заприметил мудрец
И молвил: «Собой лишь ты занят, глупец!
Остался б лишь дом твой, и ты будешь рад,
Пожрет если пламя весь город Багдад».
Когда голодающих слышится плач,
Едой наслаждаться не может богач.
У матери ежели сын занемог,
Сама изнывает она от тревог.
Не может покоя в стоянке найти,
Кто бросил товарищей в трудном пути.
Пусть чувствует в сердце властитель укол,
Коль в глине завяз дровосека осел.
Ах, если небес осенит благодать,
Довольно с тебя и словца, чтоб понять.
Внемли, ведь глаголю тебе я не ложь;
Коль тернии сеешь, жасмин не сберешь!
Меж теми, кем встарь управлялся Иран,
Встречался нередко властитель-тиран.
И что ж? Где величье и слава? Их нет!
Насилье и злая управа? Их нет!
И сколько б ни злобствовал деспот, смотри
Ведь мир-то остался, но где ж те цари?
Блажен справедливый властитель. Найдет
Он в день воскресенья у бога почет.
Господь посылает подобных царей
Как мзду за смирение и правду людей,
Но коль покарать он захочет народ,
Ему властелина-тирана дает.
Такой властелин не господень ли кнут?
Все мудрые люди его да бегут!
Воздай благодарность, от бога – твой трон,
Не то пошатнется, наверное, он.
Но если достойно восхвалишь творца,
Достигнешь ты благ, коим нету конца.
Тех благ не получишь и будешь убог,
Коль царствовать верой и правдой не мог.
Запретен властителю сладостный сон,
Коль слабый от сильного не защищен.
Ведь царь – это пастырь, а паства – народ,
Пусть стадо не терпит насилия гнет,
Ведь если обидит он паству, ей-ей,

Не пастырь, а волк он для паствы своей.
О нет, не избегнет дурного конца
Насилья творящий носитель венца!
Он рано ли поздно ль умрет, и о нем,
Конечно, никто не вспомнит добром.
Будь добр, если ты не желаешь, чтоб свет
Хулу возносил за тобою вослед.

Рассказ

Я слышал, что некогда в дальнем краю
Два сына с отцом составляли семью.
Слонам равны силою два храбреца,
Умны и учены два славных бойца.
И видя, что горд и воинствен их нрав,
Что ищут они молодецких забав,
Страну поделил их отец пополам
И равные доли вручил сыновьям,
Боясь, чтоб не стали они меж собой
Наследство делить беспощадной войной.
Немного он прожил, устроив семью,
И господу отдал он душу свою.
Судьба порвала упования нить
И руки связала: им дел не вершить.
На два государства распалась страна.
У каждого брата обильна казна
И войска без счета. И каждый свою
Избрал по своим усмотреньям стезю;
Один – справедливость, чтоб славу снискать,
Насилье – другой, чтоб богатства стяжать.
Был старший из них милосерд. Серебро
И злато он тратил, чтоб делать добро.
Он строил больницы, приюты, войскам
Награды давал, помогал беднякам.
Казна опустела, но войско возросло,
И все население хвалу вознесло.
Как гром, разносился веселия глас.
Вот также Бу-Бекр осчастливил Шираз!
О ты, именитый и доблестный шах,
Имей упования древо в плодах!
Но вот продолжение рассказа: во всем
Был старший из братьев примерным царем,
Всех подданных он обласкал, и они
Его восхваляли и ночи, и дни.
Пройти той страной не боялся б Корей –
В том царстве не стало голодных людей,
Там сердце не знало не то что шипов,
Но даже и легких касаний цветов.
И, царствуя так, всех соседних царей
Превысил он славой и мощью своей.
Теперь же послушай о брате другом!
Хоть войском он многим владел и добром,
Стремясь возвеличить свой царственный сан,
Взимать стал двойные поборы с крестьян.
Себе забирал он именья купцов,

Безжалостно мучил сердца бедняков.
Другим не давал, но не тратил и сам.
Безумье – оценка подобным делам.
В то время как злато копил, без пайка
Оставшись, его разбегались войска.
Торговцы, прослышав об этих делах,
О том, как насилие творит падишах,
Прервали торговые сделки, поля
Запашек не знали, беднела земля.
И счастье царю изменило совсем,
Противник же в силу вошел между тем.
Прогневалось небо, и кони врага
Топтали повсюду поля и луга.
Не стало налогов: крестьянин бежал...
Не знал царь подмоги: ведь сам изменял!
И верить не мог он в судьбы поворот:
Ведь вслед ему каждый проклятие шлет!
На гибель его небеса обрекли,
Затем, что не слушал мудрейших земли.
Он умер, а брату советник сказал:
«Воспользуйся тем, что безумец собрал.
Ошибочно мыслил он славу найти
В насилие, ведь к ней только в правде пути».
О деспоте память проклятьем была,
А доброму брату привет и хвала.

Отшельник и череп

Близ Тигра – великой реки – как-то раз
Был слышен отшельнику черепа глас:
«Я прежде великой державой владел,
Короною царской со славой владел;
Я с помощью неба победной войной
Сумел завладеть всей Иракской страной;
Я многих желал бы еще областей,
Да стал я добычей могильных червей».
Беспечности вату из уха долой,
И помни реченное мертвой главой!

О добрых и злых делах и их последствиях

Благое творящим бояться ли зла?
Тот блага не жди, чьи зловредны дела.
Злонравец ведь злобой всегда окружен,
Себя убивает он, как скорпион,
И, ежели сердце твое не лежит
К добру, то не сердце в тебе, а гранит!
О нет, мой читатель; я плохо сказал:
Ведь пользу приносят гранит и металл,
Меж тем человек нелюбимый и злой
Еще бесполезней, чем камень простой;
Не всякий из нас благородней, чем зверь,
Злодей хуже всякого зверя, поверь.
Ведь лишь добронравные лучше зверей,
Как зверь, на людей нападает злодей,
И тот, кто возлюбит лишь стол да кровать,
Не четвероногим ли будет подстать?
Коль всадник собьется с прямого пути,
Скорей пешеходу удастся прийти;
Добро – это верное, други, зерно,
И сеющий благо наполнит гумно.
Друзья! Я во веки веков не видал,
Чтоб сеющий злое добро пожинал.

Насильник, упавший в колодезь

Был некогда злобный насильник сатрап,
От страха пред ним даже лев бы ослаб.
Однажды насильник в колодезь упал,
В опасности страшной себя увидал,
В мученьях вся ночь для него протекла.
Метнул в него камнем прохожий со зла
И молвил: «Помог ли кому ты хоть раз,
Чего же о помощи молишь ты нас?
Всю жизнь что ты сеял? Одно только зло.
Взгляни же теперь, о тиран, что возросло.
Бальзама на раны твои не прольют:
Стонал от тебя слишком много весь люд.
Ты ямы для всех постоянно копал,
И вот наконец сам ты в яму попал».
Но ямы копает не только злодей,
А также и добрый, порой, для людей.
Но добрый затем, чтоб людей напоить,
Злодей же затем, чтобы ближних губить.
Награды себе пусть не ищет злодей, –
Не даст тамариск виноградных кистей.
По осени ежели сеешь ячмень,
Пшеницы не снимешь ты в жатвенный день.
Заккум – древо ада – возрадив, никогда
С него для еды не сорвешь ты плода.
Пословица правду гласит, а не ложь:
Лишь то, что посеешь, на жатве сберешь!

Притча

Раз сыну советовал некий отец
(Запомни: в советнике виден мудрец):
«Бессильных, о сын, не тесни, ибо срам
Ты можешь принять от сильнейшего сам».
Ах, волк неразумный не в силах понять,
Что может пантера его растерзать.

Притча

Безжалостно в детстве я тех обижал,
Кто был предо мною бессилен и мал,
Но дал тумака мне однажды силач,
И стал мне понятен обиженных плач.
Беспечно не спи, государь, ибо сон
Спокойный народным вождям запрещен.
Страдающих подданных ты успокой
И сам трепещи, государь, пред судьбой.
Совет мой подобен лекарству, о друг, –
Пусть горек, но он исцеляет недуг.

Рассказ

Недуг одного из царей истомил:
Он, как веретенце, стал тонок и хил.
Сей хворью, подкожным червем, истощен,
Ничтожным и бедным завидовал он
(Хоть в шахматах царь иль король всех важней,
В опасности он даже пешки слабей).
И вот пред царем царедворец один
Предстал: «Многи лета тебе, властелин!
Живет в этом граде один богомол,
Своим благочестьем он всех превзошел.
За помощью идут к нему на поклон,
И всем помогает советами он.
Повсюду известен он жизнью святой,
Он богу угоден и ясен душой.
Его призови, пусть молитву прочтет,
И милость господня к тебе снизойдет».
Услышавши это, властитель гонца
Послал, чтоб привел он к нему мудреца.
Явился подвижник. Почтенную плоть
Едва прикрывала худая милоть.
«Молитву прочти, чтоб меня исцелить,
Я стал, как иголка, а червь, точно нить,
Опутал меня», – так взмолился больной.
На это разгневанно старец святой
Изрек: «К справедливому милостив бог,
Будь милостив сам, и не станет тревог.
Моя бесполезна мольба, если тьмы
Обиженных страждут в застенках тюрьмы.
К народу ты был беспощаден и строг,
И хочешь теперь, чтоб помиловал бог.
Сначала бы нужно грехи замолить,
А там и меня о молитвах просить.
Молитвы мои не помогут, о нет!
Ведь тысячи жалоб за ними вослед!»
Услышав от старца такие слова,
Пришел в раздраженье властитель сперва,
Но тотчас смирил взбушевавшийся нрав:
«К чему раздраженье? Ведь старец-то прав».
Подумавши это, он отдал приказ
Всех узников выпустить в этот же час.
Тому повеленью подвижник был рад
И к богу взмолился, простершись двукрат.
«О боже, создавший небесную высь,
С врагом воевал ты, теперь примирись!»
Как только молитву святой прочитал,

Царь голову поднял и на ноги встал,
Ликуя, что больше не мучает червь,
Как птица, тенет разорвавшая вервь.
И старцу велел, не жалея добра,
Насыпать и жемчуга, и серебра.
Но истина божья превыше сует –
И шаху преподавал подвижник совет:
«С велениями господа больше не спорь,
Не то одолеет по-прежнему хворь.
Споткнувшись однажды, внимательно впредь
Смотри, как бы снова тебе не слететь».
Запомни, читатель, что молвлню сейчас:
Упавший встает, но не всякий ведь раз.
О друг, этот мир преходящ. Человек
Найти постоянства не может вовек.
Ведь тронем чудесным владел Соломон,
На крыльях ветров возносился сей трон,
Но все же исчез он навеки во мгле.
Блажен, кто был честен и мудр на земле.
Тот в жизненном поле мяч счастья увел,
Кто к людям был ласков, забыв произвол.
Лишь то нам полезно, лишь в том благодать,
Что можем с собой в путь последний забрать.

Рассказ

Один из египетских славных владык
Пред воинством смерти покорно поник.
Стал желтым когда-то румяный овал,
Закатному солнцу подобен он стал.
На смерть обрекли молодого царя,
В науке отчаявшись, все лекаря.
Все царства проходят! Не знает конца
Лишь только предвечное царство творца.
Пред смертию голосом слышным едва
Шептал сей властитель такие слова:
«С неслыханной славой я правил страной.
Что пользы? Кончина моя предо мной!
Все дальше страны относил я между,
И вот, как чужой, от всего ухожу».
Лишь добрый и щедрый угоден судьбе:
Добро он собирает на благо себе.
Лишь вечных старайся сподобиться благ,
Ведь в землю, как нищий, отыдешь ты наг.
На смертном одре человек, погляди,
То руки протянет, то жмет их к груди,
Пред ужасом смерти язык его нем,
Движеньями этими кажет он всем:
«Ты щедрости руку вперед простирай,
Насилья и жадности длань сокращай».
К добру устремляйся, пока ты здоров,
Ведь связана саваном лань мертвецов.
Сиять будет солнце и впредь, но, увы,
Уже не поднимешь из гроба главы!

Крепость Кизил-Арсалан

Кизил-Арсалан укрепление имел,
Его защищавшее крепко предел.
Извилистый путь, достигавший тех мест,
Подобен кудрям перевитым невест.
Средь зелени гор укреплений кольцо,
Как будто на блюде зеленом яйцо.
Из дальней дороги один пешеход
Пришел к Арсалану в сей крепкий оплот.
Тот муж досточтимый был мудр и учен,
По свету скитался достаточно он,
Был опытен, сведущ во всяких делах,
Блистал красотой и смыслом в речах.
Сказал ему царь: «Ты скитался везде,
Но видел ли крепость подобную где?»
Мудрец усмехнулся: «Красив этот град,
Но может ли быть неприступным? Навряд!
О царь, до тебя им другие цари
Владели. Но где же они? Посмотри.
И после тебя этот гордый оплот
К другому властителю, знай, перейдет.
Не надо итти за примерами встарь,
Лишь вспомни, что случилось с отцом, государь.
В такой закоулок он загнан судьбой,
Где он не имеет полушки одной.
Ни в чем не нуждается он и ни в ком,
Лишь в милости, посланной вышним творцом».
Сменяются люди один за другим,
Сей мир мудрецом ни во что не ценим.

Рассказ

Когда упокоился Алп-Арсалан,
И сын унаследовал царственный сан,
И мертвого шаха снесли в мавзолей, –
Не вечны, не вечны в юдоли мы сей! –
Увидел мудрец юродивый один,
Как гордо гарцует властителя сын,
И молвил: «Поистине, чуден сей свет!
Отец ускакал, сын же скачет вослед».
Таков ведь закон этой жизни земной,
Неверной, мгновенной и брэнной и злой:
Лишь только для старца приходит конец,
На смену из люльки выходит юнец.
Я мир приравняю к бродячим певцам,
Что вечно блуждают по новым местам.
Таким чужаком обольщаться не след,
Неверной прельщаться не надо, о нет!
Твори же добро! Ведь на будущий год
К другому владенье твое перейдет.

Рассказ

Мудрец, за Кавада молясь, у творца
Просил, чтобы не было царству конца.
Вельможа, подслушав, придрался к словам:
«Мудрец ты, а молвишь пустое, о срам!
Начав с баснословных Джемшидовых дней,
Кого же ты знаешь из прежних царей,
Чье б царство до сих продолжалось пор?
Не стыдно ль тебе говорить этот вздор.
Нет вечности здесь. А коль знаешь, к чему ж
Пустые слова произносишь, о муж?»
Мудрец отвечал: «О, конечно, ты прав,
Ученый в суждениях должен быть здрав,
Просил я не вечности, но чтобы бог
Царю в начинаниях добрых помог.
Коль жизнь в благочестье он будет вести,
Коль будет итти по прямому пути,
Простясь с этим царством, он в царстве творца
Обрящет блаженную жизнь без конца.
Такую-то вечность в молитве своей
Считал я возможной, о друг, для царей».
Владыке благому пред смертью страх
Неведом: у господ он – падишах.
Кто войском владеет и многой казной,
И властью над миром, и славой земной,
Коль верой и правдою царствовал он,
Бессмертьем и славою будет почтен,
Но если насилие творит – помяни:
Борьбой омрачает он краткие дни!
Смотри: фараоны, наделав обид,
Чего удостоились? Лишь пирамид!

Халиф Аль-Мамун и невольница

Когда Аль-Мамун на халифский престол
Вступил, он рабыню себе приобрел.
Лицом – точно солнце, а телом она –
Как розовый куст. Весела и умна.
Окрашены красным ее ноготки –
Не кровью ль погибших от страстной тоски?
На солнечном лице, как радуга, бровь
Отшельникам даже внушала любовь.
Но радости мало Мамун с ней вкусил:
От ласк отбивалась из всех она сил.
Охваченный гневом, халиф разругать
Решил ее жизни прелестную нить.
Сказала рабыня: «Отдай палачу,
Но ласк я твоих, о халиф, не хочу!»
Спросил Аль-Мамун: «Отвечай, почему
Влеченью противишься ты моему?»
Сказала рабыня: «Причина проста –
Зловонны твои, о властитель, уста.
Стрела или сабля мгновенно разят,
Меж тем как зловоние – медленный яд».
Со скорбию, гнева смиряя прилив,
Прослушал признание рабыни халиф.
Всю ночь размышлял, не смыкая очей,
А утром совета спросил у врачей.
С учеными много имел он бесед,
От них получил он целебный совет
И принял лекарство. Как розовый куст,
Вдруг стало душистым дыхание уст.
И обнял рабыню счастливый халиф:
«Тот истинный друг мой, кто смел и правдив!»
Твой истинный друг, кто укажет в пути
Препятствия все и поможет пройти.
Тому, кто блуждает, «ты прямо идешь»
Сказавши, ты молвишь преступную ложь.
Коль наши пороки скрывают от нас,
Мы можем за доблести счесть их подчас.
Коль горечь больному пропишут врачи,
О сладости меда пред ним умолчи.
Сказал раз аптекарь: «Захочешь быть здоров –
Не бойся настойки ты горькой из трав».
Целебное зелье – советы Са’ди,
Кто хочет лекарства, к нему приходи,
Просеяв чрез несколько мудрости сит,
Поэзии медом затем подсластит.

Рассказ

Когда-то я слышал вот этот рассказ:
Разгневался царь на философа раз.
Должно быть, он правду сказал, не стерпев,
И вызвал владыки надменного гнев.
И вот повелел он, изгнав из дворца,
В узилище ввергнуть сего мудреца.
Приятель несчастному молвил тайком:
«Не нужно б тебе заикаться о том». –
«Исполнил я бога верховный приказ,
Тюрьмы не боюсь: просижу я в ней час».
Хоть тайно они разговор сей вели,
Но все же шпионы царю донесли.
Тиран усмехнулся: «Он спятил с ума,
Бессрочная дерзкому будет тюрьма!»
Об этом сказал заключенному паж,
Ответил: «Пойдешь и царю передашь,
Что грозный меня не пугает указ.
Вся жизнь человека не краткий ли час?
И царская милость ничуть не сладка,
И казнь не пугает меня, старика.
Ты грозный владыка с войсками, с казной,
А я угнетен нищетой и семьей,
Но быстро сотрется различья черта,
Лишь только под смертные внидем врата.
От жизни ничтожных услад уклонись,
Тиранство покинь и суда берегись.
Сбирали богатства и прежде тебя,
Насильем и алчностью страны губя.
Живи, чтоб тебя поминали добром,
Не так, чтоб тебя проклинали потом.
Ах, если неправо ты правишь страной,
Проклятье потомства навеки с тобой.
И как бы высоко властитель ни сел,
Смиранный обрящет в могиле удел».
Услышав такие слова, в тот же миг
Властитель велел ему вырвать язык.
Вновь подал мыслитель бестрепетно глас:
«И этот меня не пугает указ.
Что ж, буду немым. Приговор свой верши,
Ведь внемлет господь и глаголам души.
Ни бедность, ни пытка меня не страшат,
Коль вечных сподоблюсь по смерти услад».
Ах, если умрешь ты угодным судьбе,
Стенания плакальщиц – праздник тебе!

Борец и череп

Какой-то кулачный боец обнищал,
Ни завтрака он, ни обеда не знал;
Себя не сумев прокормить кулаком,
Он стал выколачивать деньги горбом;
Весь день, посылая проклятья судьбе,
Он землю и глину таскал на себе;
Порой разгорался в нем ярости пыл,
Порою сидел он тосклив и уныл,
Порою, при виде житейских усад,
Вода для него превращалась в яд,
Порой же рыдал: «Не житье, а беда!
Такого никто не знавал никогда!
Другим и барашек, и дичь, и пирог,
А мне не по средствам хотя бы чеснок.
Где ж правда? Ведь рвется проклятие с губ –
Я наг, а у кошки хороший тулуп.
Ах, если б во время работы моей
Да сжалился бог над недолею сей,
И в руки, которые тяжело болят,
Какой ни на есть, да попался бы клад,
Тогда бы потешил я сердце мое,
Забыл бы постылое это житье».
Однажды он землю прилежно копал
И череп истлевший в земле отыскал,
В земле пролежал он немало годов,
Распался почти и лишился зубов.
Вдруг подали голос пустые уста:
«Эй, парень, не так уж плоха нищета!
Ты видишь, во что превратился мой рот.
Пивал он и горечь, пивал он и мед.
Судьба коловратна. Умрешь ты, о друг,
Но все не устанет вращаться сей круг».
Совет сей усвоил несчастный борец,
Печалям своим положил он конец.
«Безумец, не сетуй, – сказал он себе, –
Себя не губи; будь покорен судьбе».
Пускай одному никогда не везло,
Другой же до неба возвысил чело,
По смерти забудут и тот, и другой
Свое положение в жизни земной,
Забудутся горе и радость, и лишь
Останется то, что благого творишь.
Не нужны ни троны, ни блеск диадем,
Добро лишь укажет дорогу в Эдем».
Блаженства от власти не жди, государь,

Пройдет эта власть, как и многие встарь.
Сей мир скоротечен, но вечен твой дух.
К народному гласу склоняя свой слух,
В своих государственных, трудных делах,
Об истинной вере ревнуй, падишах.
Будь щедр и разбрасывай злато, гляди –
Нет злата, так перлы рассеял Са’ди!

Об отражении врагов средствами искусной политики

Уверенность брось, что не будет обид
От двух зложелателей, слабых на вид,
Тайком сговорятся, и слабая длань
Окрепнет и станет способной на брань.
Сумей одного лишь уловкой отвлечь,
С другим же легко совладеет твой меч.
Когда в наступленье твой враг перейдет,
Пускай все уловки и хитрости в ход.
С врагами врагов заключаай ты союз –
Врагу из подобных не вырваться уз.
Раздор за приметив во вражьих войсках,
Вложи ятаган свой в ножны, падишах.
Когда меж волками грызня и вражда,
Спокойно пасутся овечьи стада,
Когда меж твоими врагами раздор,
Сзывай на пирушку веселую двор.
О царь, на врага ты решился пойти,
Но все же изыскивай к миру пути.
Владыки, войной покорявшие мир,
В конечном расчете боролись за мир.
Доверье солдата старайся снискать,
Чтоб шла за тобою с готовностью рать.
Коль вражеский вождь попадетсЯ в полон,
Ты тотчас его не казни, разъярен.
Ведь может быть так, что один из вождей
Захвачен врагом из дружины твоей,
И если покончишь с плененным врагом,
С твоим не увидишься больше вождем.
Не знавший судьбины жестоких оков...
Бывает к плененным жесток и суров.
Тому, кто изведАл плененья печаль,
Несчастных плененных становится жаль.
Коль вождь полоненный обласкан тобой,
Возможно, что сдастся тебе и другой.
Не лучше ль десяток предавшихся вновь,
Чем в сотне набегов пролитая кровь?
О царь, если друг твой в родстве со врагом,
Смотри, как бы козней не строил тайком.
Быть может, о кровном он вспомнит родстве,
И месть зародится в его голове.
А лести словесной не верь, ибо льет
Преступник отраву нередко и в мед.
Лишь тот застрахован от вражеских ков,
Кто даже в приятелях видит врагов.
Лишь тот охраняет надежно карман,

Кто видит везде воровство иль обман.
В дружину того не бери ты, чей нрав
Заносчив, мятежен, изменчив, лукав.
Коль он бунтовал против прежних господ,
Узнаешь и ты с ним немало хлопот.
Пусть будет мятежник доверья лишен,
Пусть верный за ним наблюдает шпион.
Коль с норовом конь – удлини повод,
Но если отпустишь – пропал навсегда.
Коль ты захватил неприятельский край,
На волю всех узников там выпускай –
Колодник за тьму причиненных обид
Жестоко врагу твоему отомстит.
Пусть будет закон, что тобою введен,
Для подданных лучше, чем прежний закон.
Тогда, если прежний владыка войной
Нагрянет, народ сей пойдет за тобой.
Но если любви ты его не снискал,
Напрасны запор на воротах и вал.
Ты думаешь, враг за вратами – смотри:
Сообщники вражьи гуляют внутри!
Военные меры старательно взвесь,
Но тайной окутывай замысел весь.
От всех эти планы заботливо скрой:
Шпион меж друзей восседает порой.
В восточном походе, коль делал привал,
На запад шатры Искендер обращал.
Бехмен-воевода, идя на Забул,
Противника ложной молвой обманул.
Итак, коль не скрыл ты военных задач,
Ошибку свою, о властитель, оплачь!
Будь милостив, ласков – насилья к чему? –
И мир покорится жезлу твоему.
Ведь если добро плодотворно, тогда
В насильях, в гордыне какая нужда?
Ах, если не хочешь сердечной тоски,
Несчастных сердца из оков извлеки!
Не ратью могучей силен ты, о шах,
Но если тебя поминают в мольбах.
Моления богоугодных людей,
Чем самое грозное войско, сильней.
Когда за тебя помолился дервиш,
Ступай: Феридуна в бою победишь!

* * *

О друг, оболочку вещей позабуди,

Ищи ты в вещах и явлениях лишь суть.
Кто знания, щедрости, веры лишен,
Одна оболочка без сущности он.
Ты душу живую при жизни спасай,
Родные о мертвых не думают, знай.
Кто души людские покоит, ведь Фот
В покое и мире навеки заснет.
Трать злато, пока ты хозяин над ним,
Быть может, достанется завтра другим.
Тоска-лиходейка не грызла чтоб грудь,
К страдальцам всегда сострадателен будь.
Растрчивай все, что в твоём сундуке,
Коль ключ ты имеешь сегодня в руке.
Готовь, не надеясь на жен иль детей,
Ты сам для последней дороги своей
Благие деянья – припас путевой –
И в Царствии Божьем обрящешь покой.
Поменьше на помощь других уповай,
На бога надейся, да сам не плошай.
Страдальца одеждой прикрой, если наг,
И грех твой создатель прикроет: он – благ.
Скитальца от двери своей не гони,
Быть может, наступят тяжелые дни,
И будешь скитаться ты сам у дверей,
Прося подаянья у добрых людей.
О люди, врачуйте больные сердца
В предвиденьи тяжкого жизни конца!
Пусть грудь нищей братии свободней вздохнет,
Ведь можем и мы испытать этот гнет.
Пусть нету нужды в попрошайстве тебе,
Внимателен будь к попрошаек судьбе!

О милости к сиротам

Бедняжке-сиротке, о друг, помоги.
Обмой, вынь занозу ему из ноги.
Как знать, что случится в грядущем с тобой?
Знай, древо без корня поникнет главой.
И если поник сирота, пожалей –
Своих перед ним не ласкай ты детей.
С очей сиротинки кто слезы утрет?
Коль гневен – к спокойствию кто призовет?
Ах, если до слез сироту ты довел,
Всколеблется вышнего бога престол!
Люби сиротинок от всей ты души,
Обмой их, одень, им глаза осуши.
Родительской сени сиротка лишен –
Пусть будет он кровом твоим осенен.
Когда был лелеем я милым отцом,
Казалось, был венчан я царским венцом.
Мне муха садилась на лоб, и моя
Кругом волновалась тревожно семья,
А ныне никто не поможет, хотя б
Во вражьем плену я томился, как раб.
Изведал я долю сирот до конца,
В младенческих годах лишившись отца!

Во сне раз увидел ходжендский пророк,
Что некто, который колючки извлек
Из ног сироты, внидя в рай, произнес:
«Гляди, из шипа одного сколько роз!»

Чтоб делать добро, всякий случай, о брат,
Используй, и мзду ты получишь стократ.
Но сделавши доброе дело, тебе
Не след предаваться пустой похвальбе.
Как знать? Может статься, уже над тобой
Взнесен ятаган беспощадной судьбой...
Все люди тебя прославляют пускай –
Не чванься, творцу благодарность воздай
За то, что тебе он имущество дал
Для помощи тем, кто несчастен и мал.
Нет, щедрость не только царям хороша,
Припомни пророков: она – их душа.

Рассказ об Аврааме

Я слышал, что не было как-то гостей
В дому Авраамовом целых семь дней.
Пророк об еде и питье забывал,
Все странников божьих к себе поджидал,
Стоял на пороге и, глядя на путь,
Все ждал, не идет ли к нему кто-нибудь.
И вот заприметил: идет человек,
Чьи волосы выбелил старости снег.
С приветом к нему Авраам подошел,
Радужно его приглашая за стол:
«О друг, ты мне мил, как зеница очей,
Отведай-ка трапезы скромной моей!»
Направился старец, услышав тот зов,
Под странноприимством прославленный кров.
Там слуги пророка один за другим
Сгибались в служенье пред старцем простым.
Собрали еду, принесли и потом,
Усевшись кругом за накрытым столом,
Все начали богу молиться, и лишь
Молиться не стал приглашенный дервиш.
Сказал Авраам: «Удивил ты меня,
Ты – старец, а нет в тебе веры огня.
Ужель не должны мы, присевши к столу,
Воздать промыслителю богу хвалу?»
Прохожий ответил: «Нет правил таких
У огнепоклонников-старцев моих».
И понял тогда Авраам прелестной,
Что видит язычника он пред собой.
С позором изгнал он его, потому,
Что скверне нет места у чистых в дому.
Но свыше ниспослан был ангел Серош
Сказать, что поступок тот был нехорош.
«Сто лет я поддерживал старца, о друг,
А ты от него отвращаешься вдруг.
Огню поклонялся пришелец иль нет –
Ты, выгнав его, мой нарушил завет».
Какой бы к тому ни нашелся предлог,
Не следует прятать щедрот кошелек.
Конечно, постыдно, коль мудрость и труд
Ученые люди за хлеб продают.
Грешно и безумно небес благодать
За блага мирские, за хлеб продавать.
Но все ж, коль отдаст за бесценок купец,
Воспользуйся случаем – будешь мудрец.

Рассказ

Пришел к мудрецу раз хитрец-краснобай
И молвил: «В беде я, о мудрый, спасай!
Ах, десять дирхемов мне душу гнетут,
На шее моей каждый грош, точно пуд!
Я скряге их должен. Не сплю я всю ночь,
А днем, точно тень, не отходит он прочь.
Совсем сокрушил он, о мудрый, поверь,
Словами мне сердце, ударами – дверь.
Как будто он отдал последний дирхем,
Как будто теперь обнищал он совсем.
Не смыслит в писании он ни аза.
Не видел грамматики он и в глаза.
Чуть утро – сей неуч опять и опять
Приходит и в дверь начинает стучать.
Кто, щедрый, протянет мне руку щедрот
И сбросить поможет сей тягостный гнет?»
Тут старец почтенный вручил ему два
Червонца, прослушавши эти слова,
А лгун-краснобай это золото взял,
Ушел и, как злато, лицом просиял.
Заметили старцу: «Ушедший-то ведь
Таков, что умрет и не будут жалеть.
Пройдоха и лгун, хоть на вид простота,
Обманет какого угодно плута».
Разгневался старец: «Не лучше ль молчать
Да слушать, коль истина вам не подстать!
Ведь если принес он правдивую весть,
Поистине спас я несчастному честь,
А если хотел он меня обмануть,
Обман тот меня не порочит ничуть,
От происков лиц, возлюбивших обман,
Поступком таким оградил я свой сан».
И добрым и злым надлежит помогать, –
Ты зло обезвредишь, найдешь благодать.
Блажен, кто, прослушавши мудрую речь,
Сумеет пример надлежащий извлечь.
И если умен ты и чуток, следи
Внимательным слухом за речью Са’ди.
Забыв о кудрях и о розах ланит,
Об истинной мудрости он говорит.

Рассказ

Богач как-то прежде скончался один.
Ему унаследовал доблестный сын;
Не стал он копить драгоценный металл,
Но щедро и вольно его расточал.
Толпа нищей братьи всегда у дверей,
Приемные комнаты полны гостей.
Богатств он, подобно отцу, не скопил,
Но сам был доволен и людям был мил.
Его упрекнули однажды: «О друг,
Богатства свои не растрачивай вдруг.
Их долго копить, но растратишь зараз;
Ужель не слыхал ты вот этот рассказ:
Однажды беседовал с сыном аскет
И отпрыску ласково молвил: «Мой свет,
Будь волен, свободен, расстанься с семьей,
Будь щедр, заодно распростишься и с казной».
Но опытен был и разумен юнец,
В ответ он родителю молвил: «Отец,
Потребен ведь год, чтоб наполнить гумно,
Наполнив, поджечь неужели умно?
Кто нищенской доли пугается, тот
Пусть в годы довольства запасы сберет».
Раз молвила дочке крестьянка: «Сбирай
Запас для засухи, о дочь, в урожай.
Водой пусть наполнены будут меха,
Не то вдруг увидишь, что речка суха».
Земным бытием можно вечность купить,
А златом – лютейшего льва укротить.
Радушно встречают того, кто богат,
А бедному горе! Кто бедному рад?
Пусть не надеется он у друзей
Поддержку найти в неудаче своей.
И дива сумеет богач одолеть
И демона Сахра поймает он в сеть.
Красавиц любви пусть не ищет бедняк,
В сем мире не ценится бедность никак.
Не сбыться, бедняк, упованиям твоим.
Богач над врагом торжествует любым.
Поэтому деньги свои береги
И помни: не дремлют лихие враги.
Всех бедных, о друг, не накормишь, меж тем
Боюсь, что окажешься сам ты ни с чем».
Когда эти речи юнец услышал,
От приступа гнева он весь задрожал.
Он этих упреков, несдержан и юн,

Не вынес и гневно воскликнул: «Болтун,
Богатства, которые видишь кругом,
Копились и дедом моим, и отцом,
Они сохраняли их долгие дни,
Скончались, и все потеряли они.
Богатство теперь у меня, но оно
К другим перейти после смерти должно.
Умру, и разграбит наследство семья,
Так лучше пускай им воспользуюсь я.
Стараться к чему и беречь для людей?
Дари, щеголяй, наслаждайся и пей.
Ведь щедрому жизнь обращается впрок,
Не мню, чтоб скупец эту пользу извлек.
Сподобишься рая, щедроты творя,
Не то проживешь безнадежно и зря.
Коль хочешь блаженства, сперва позлати
Ведущие к Божьему Царству пути».
И так поступая, сей щедрый юнец
Растратил большое богатство вконец.
Раз некто за щедрость его похвалил,
За то, что он богу и людям служил.
Он, скромно потупясь, ответил: «Мой друг,
О нет, за собой я не вижу заслуг,
Я знаю, что сам я ничтожен и мал,
Я только на бога всегда уповал».
Вот истинный путь добродетельных всех,
Творящих добро и предвидящих грех.
Не будет молиться у всех на глазах,
Кто молится ночью, без сна и в слезах.
Внемли – это молвит тебе не Са’ди,
Но муж досточтимейший Сохраверди:
Мы плыли. Корабль наш валы рассекал,
И вот что сей старец честной мне сказал:
«Во-первых, людей не считай ты за злых,
А сам себялюбцем не будь, во-вторых».
От мыслей об аде почувствовав жуть,
Раз ночью шепнул он, не смоги заснуть:
«О, если б заполнил я ад целиком,
Чтоб места другим не осталось в нем!»

Рассказ

Жена мужу молвила: «Мне невдомек,
Хлеб на дом к нам носит зачем хлебопек?
Ступай на базар. Ибо плут каждый день
Под видом пшеницы приносит ячмень.
Других покупателей нет у плута,
И лавка его постоянно пуста».
Но ласково молвил супруг ей в ответ:
«Ты с этим должна примириться, мой свет.
Он начал в надежде на нас торговать.
Жестоко надежду его разбивать».
На путь добродетели если ты встал,
Протягивай руку тому, кто упал.
Будь щедрым. Достойные высших утех
Всегда покупают товары у тех,
Чья лавка без сбыта. Ах, милость творя,
Примером ты Алиа знаешь царя!

Рассказ

Отправился старец в священный Хеджаз.
На каждом шагу совершая намаз,
Всецело задачей своей поглощен,
Колючек из ног не выдергивал он;
И стал науститель гордыни слова
Шептать ему на ухо. Старца глава
Наполнилась гордостью. Он возомнил,
Что более всех он создателю мил.
И если бы бог не задумал спасти,
Совсем бы он сбился с прямого пути.
Послышался голос таинственный: «Гой,
Ты, избранный господом старец честной!
Не думай, что если обряд ты свершил,
То этим ты стал для создателя мил.
Ведь добрый поступок один для творца
Милее поклонов земных без конца».

Рассказ

Гвардейцу султанскому как-то жена
Сказала: «Мой милый, нам пища нужна.
Ступай же на царскую кухню, мой свет,
Ведь нужен и нам, и детишкам обед».
Ответил: «Сегодня вся кухня пуста
Султан пожелал на сегодня поста».
Услышав, потупилась скорбно жена,
И думала, мучась нуждою, она:
«К чему этот пост, о создавший весь мир?
Ведь полдник султана – семье нашей пир».
Когда милосердия постник лишен,
Ничтожнее щедрого бражника он.
Владыке угоден лишь постник такой,
Чтоб нищим, постясь, помогал он едой.
Не то для тебя бесполезны посты,
Ведь все ж себялюбцем останешься ты.
Невеждой не будь, а не то все равно
С неверием веру смешаешь в одно.
Ведь зеркало схоже бывает с водой,
Все ж разница есть между тем и другой.

Рассказ

Был некто душою широк, тароват,
Однако при щедрости всей небогат.
О горе, богатство у низких душой,
А чистые сердцем забиты нуждой!
Высокие души стремят свой полет,
Но падают вниз, не заметив тенет,
Совсем как нагорный поток, что, с высот
Стремглав низвергаясь, в низины течет.
И вот, не по средствам живя, щедр и смел,
Сей доблестный муж под конец обеднел.
Однажды к нему обратился один
Несчастный с посланьем: «О мой господин!
Мне денег немного ссуди, помоги –
Врагом я посажен в тюрьму за долги».
Что деньги тому, в ком большая душа?
Да не было их у него ни гроша!
И вот к займодавцам посланье он шлет:
«Приветствую доблестных, славных господ!
Прошу: должника отпустите домой –
Ручаюсь я вам за него головой».
Затем он к тому, кто сидел за долги,
Идет, отпускает и молвит: «Беги!» –
Мгновенно пичужка умчится, поверь,
Заметивши клетки открытую дверь. –
Лишь вольный открылся пред узником мир,
Быстрее он умчался, чем утра зефир.
И вот поручителя тащат в острог:
Садись, если долг заплатить ты не мог.
Открылся пред мужем в узилище путь.
Коль вырвалась птица – ее не вернуть!
Я слышал, что тяжкую долю он нес
Без гнева, без стонов, без жалоб, без слез,
Но был удручен и ночами не спал.
Подвижник его увидал и сказал:
«Я мыслю: едва ль ты мошенничать мог,
Но как же, поведай, попал ты в острог?»
Ответил: «О мудрый подвижник! Ты прав!
Ничьих плутовством не нарушил я прав.
Беднягу хотел из тюрьмы я спасти,
Увы, не нашел я иного пути:
Его заменил я. Как мог я стерпеть:
Мне – воля, бедняге же – тесная клеть!»
Он умер, сей муж. Но вовеки жива
О добрых деяниях этих молва.
Такой человек и скончавшись – живой

И более жив, чем живущий другой.
Ведь дух бесконечен. И смерть не страшна
Тому, чья душа милосердья полна!

Рассказ

Раз путник в степи на собаку набрел,
Ее чуть живую от жажды нашел.
Был набожный путник растроган весьма,
Ведром стала шапка, канатом – чалма.
С готовностью полной собаке помог,
Ей дал из колодца воды он глоток.
О путнике этом пророк возвестил,
Что бог прегрешенья ему отпустил.
Подумай о том, коль погряз ты в грехах,
О верности вспомни, о добрых делах.
Господь, коль за милость ко псу наградил,
Забудет ли тех, кто людей возлюбил?
Пред милостью божьей не все ли равны,
И мы помогать без разбора должны.
Ах, скромная лепта бездольных людей
Для бога дороже, чем дар богачей.
Всяк тащит посильную ношу свою:
Нога саранчи тяжела муравью.

О Доброте и милосердии

Будь ласков с людьми, милосерд будь всегда,
И бог не забудет тебя никогда.
И если несчастье случится с тобой,
Поможет тебе вседержитель благой.
Жестоко рабов не гони. Ведь судьба
Порою высоко возводит раба.
И как бы держава сильна ни была,
Не делай несчастному, слабому зла.
Ведь в жизни возможен любой поворот,
Ведь пешка, случается, ферзя берет.
Послушай совета разумных людей,
И семени злобы в сердца ты не сей.
Ведь губишь ты собственный зрелый посев,
Когда на жнецов обращаешь свой гнев.
Будь щедр, милосерд и, несчастных любя,
Их тяжкую долю бери на себя.
Ах, часто цари под пятою судьбы!
Ах, часто на троны восходят рабы!
Сердца подчиненных, властитель, не мучь –
Ведь ты не навеки богат и могуч!

Рассказ

Однажды бедняк перед злым богачом
Поведал о бедствии тяжком своем.
Богач медяка пожалел ему дать,
Разгневался, начал браниться, кричать.
Хоть сердце облилось кровью, бедняк
Возвысил свой голос, воскликнувши так:
«Почто богачи так гордятся всегда?
Ужель не боятся господня суда?»
Тут скряга-безумец велел, чтоб слуга
Прогнал бедняка за порог, как врага.
Не знал благодарности к богу гордец,
И вот от него отвратился творец.
Большого богатства не стало, и он
Был в черную книгу судеб занесен.
Когда-то богатый – стал нищ он и гол,
На помощь никто из друзей не пришел.
Судьбы испытал за ударом удар,
Пошел он скитаться, как нищий фигляр.
Так время бежало. Бездомен и хил,
Он долю лихую, как нищий, влачил.
Случайно из челяди прежней скупца
Какой-то богач приобрел молодца.
Богач тот был щедр, милосерд и умен,
К несчастным и бедным участлив был он.
И вот он однажды узрел бедняка,
Просившего горестно хлеба куска.
Немедля велел он рабу своему,
Чтоб тот подаяние бросил в суму.
Едва лишь приблизился раб, чтоб подать,
Как, вскрикнув испуганно, бросился вспять.
Вернулся, держась едва на ногах,
Расстроен, взволнован и очи в слезах.
Хозяин спросил у него: «Что с тобой?
И слезы ты льешь от обиды какой?»
Ответил слуга: «О, как сердце болит,
Терзает мне душу несчастного вид!
У старца сего был я прежде рабом.
Имел он богатства, имения, дом,
А ныне он – хилый, бездомный голыш –
С протянутой дланью бредет, как дервиш».
Воскликнул хозяин с улыбкою: «Ба,
Напрасно, бесцельно не бьет нас судьба!
Сей нищий не тот ли жестокий купец,
До неба главу возвышавший гордец,
А я – тот несчастный, которого он

Однажды из дома прогнал, разъярен?
Господь на меня с милосердьем взглянул,
И бедности прах он с меня отряхнул.
Господь милосерд и премудр, если вход.
Закроет один, то другой – отопрет.
Господь справедлив. Возводя бедняков,
Карает богатых и злых гордецов».

Муравей

Послушай-ка случай из жизни святых,
Итти если хочешь дорогою их.
Однажды, пшеницы купивши, домой
Ее притащил шейх Шибли прелестной.
Раскрывши, увидел, что мечется в ней
Растерянно взад и вперед муравей.
Не спал он, жалея бедняжку до слез,
А утром на прежнее место отнес,
Сказав: «Милосердья не будет, коль я
К родимым местам не верну муравья».
Смятенные души, о друг, успокой,
И будешь утешен счастливой судьбой.
Как чудно сказал этот стих Фердовси –
О господи, душу поэта спаси! –
«Влачащего травку не тронь мураша,
Ведь полон он жизни, а жизнь хороша!»
Лишь может один бессердечный злодей
Желать, чтоб несчастный страдал муравей.
Ах, ежели волю насилиям дашь,
Растоптан ты будешь врагом, как мураш.
Свеча с мотыльком жестока и грозна,
И что ж? – Одиноко сгорает она!
Конечно, сильнее ты многих людей,
Но есть ведь и тот, кто тебя посильней!

О щедрости и великодушии

Будь щедр, и уловишь людские сердца,
Оставь лишь для зверя тенета ловца.
Будь добр, обходителен даже с врагом –
Аркана сего не рассечь и мечом.
Противник, увидев и ласку, и честь,
Забудет свою озлобленную месть.
Не делай же зла, и замолкнет вражда,
Сев злобы добра не родит никогда.
С друзьями ты ежели дерзок и крут,
Конечно, они от тебя убегут,
А если к врагу подойдешь ты любя,
Приятелем станет твой враг для тебя.

Рассказ

Я встретил однажды в пути молодца,
Бежит, а за ним поспешает овца.
«Нехитрое дело, – сказал я, – ну что ж?
Ее ты на привязи сзади ведешь».
Ошейник он тотчас же сдернул, и вот
Принялся он бегать и взад, и вперед,
Овца же за ним по пятам. Ведь ячмень
И травку он сам ей давал каждый день.
Вернувшись на прежнее место, юнец
Промолвил, ко мне обратись: «О мудрец!
Тут дело не в привязи. Это – обман,
Но держат щедроты овцу, как аркан».
Коль ласку встречает в погонщике слон,
Едва ль на него нападет, разъярен.
Будь добр и со злыми. Ведь пес, если сыт,
Исправно владенья твои сторожит.
Ведь барс присмирееет и станет ручным,
Коль дважды покормится сыром твоим.

Рассказ

Раз некто калеку-лису увидал,
Увидев, на господу вмиг возроптал:
«Для твари безногой ну что за житье,
Откуда достанет и корм, и питье?»
Лишь это подумал, как льва увидал,
Был в пасти у зверя убитый шакал.
Пожрал этот хищник добычу, а все
Остатки достались калеке-лисе.
Столкнувшись с подобным же случаем вновь,
И видя господню к творенью любовь,
Решил наш дервиш многомысленный впредь,
На промысел божий надеясь, сидеть.
Ведь львов многомогущих и то, наконец,
Питает всегда вседержитель-творец.
Так, руки сложа, он сидел, убежден,
Что будет накормлен создателем он.
Однако не шел ни родной, ни чужак,
От глада дервиш превратился в костяк.
Терпенье иссякло, рассудок угас,
Но, к счастью, раздался таинственный глас:
«С безногой лисицы берешь ты пример.
Нет! Льва избери образцом, лицемер!
Таким будь, как лев, чтоб от трапез твоих
Остатки могли напитать и других.
Кто силен, как лев, но как эта лиса
Беспомощным стал, тот презреннее пса.
Добычу бери, наделяя других,
Отнюдь не надеясь на милости их.
Работай, покуда имеешь в руках
Ты силу – и взвесят твой труд на весах.
Будь мужем – трудись для себя и других,
Не будь прихлебателем трапез чужих.
Несчастливым поддержки протягивай длань,
А помощи ждать от других перестань.
Господь только тем помогает, кто сам
Готов постоянно помочь беднякам».
К щедротам, к даяньям лишь умный готов,
Не ждите щедрот от безмозглых голов.
Блажен в этом мире и в том только тот,
Кто полон к творениям божьим щедрот.

Близ города Кеша однажды один

Погонщик верблюдов промолвил: «О сын,
Кормись близ богатых и щедрых: они

Не любят сидеть за обедом одни».

Подвижник-скряга

Жил в Азии Малой подвижник. Речист,
Учен, родом знатен и жизнью чист.
Прослышав о нем, я отправился в путь
С толпою друзей, чтоб на мужа взглянуть.
Подвижник был рад иноземным гостям,
Радужную встречу устроил он нам.
Но много имея богатых жилищ,
И злата, и нив, был он щедростью нищ.
Он был в обращенье и ласков, и благ,
Но пуст был и холоден в кухне очаг.
Всю ночь он молился, усерден зело,
Не спали и мы – животы подвело!
Чуть утро хозяин является к нам
С приветом, расспросами, с лаской к гостям.
Меж нас находился один весельчак,
Который ответил хозяину так:
«Созвучьем лобзанье лишь мило своим
Со словом „питанье”, которое чтим.
Сапог не целуй, но корми, а потом
Хотя б ты ударил меня сапогом».
Блажен только тот, кто стяжательству враг,
А постник бессонный, но черствый – не благ.
Вот так же татарин на страже стоит –
Хоть очи бессонны, да сердце в нем спит.
О да! Святость – в милости. Это усвой,
А хладная речь – барабан лишь пустой!
Тот будет блажен, кто взыскует во всем
Лишь тайного смысла, забыв о пустом.
Дает лишь идея значенье словам,
Поступки, слова без идеи – лишь хлам!

Рассказ о Хатэме Тайском

Я слышал, что Тайский Хатэм скакуна
Имел вороного среди табуна.
Он легкостью – ветер, а ржанием – гром,
Мгновеннее молнии в беге своем.
Он камни разбрасывал из-под копыт –
Не туча ли вешняя с градом летит?
Пустыня ему, как вода кораблям;
За летом его не поспеть и орлам.
О щедром Хатэме молва и хвала
До слуха царя Византии дошла:
«В щедротах Хатэму подобного нет,
А лошади равной не видывал свет».
Сказал царь везиру: «Прекрасна молва,
Но нет доказательств того, что права;
Хочу получить я такого коня,
И если отдаст он его для меня,
Поверю тому, что высок его сан,
А нет, так молва – лишь пустой барабан».
В далекий Йеменский отправлен был край
Посланник со свитою к племени Тай.
Над мертвой землею в слезах небосвод,
Но ветер весенний вновь жизнь ей несет;
Под ливнем весенним усталый посол
Со свитою поздно к Хатэму пришел;
Им злата Хатэм предложил и сластей
И тотчас коня заколол для гостей.
Здесь сутки пробыв, до Хатэма довел
Свое поручение царский посол.
Услышав об этом, был щедрый таит
Расстроен, взволнован и духом убит.
«Ах, раньше о просьбе своей почему ж
Ты мне не сказал, о мой доблестный муж?
Здесь только вчера для тебя, о посол,
Сего быстрого я заколол.
В тот вечер не мог я до пастбищ дойти,
Был ливень и мрак, залило все пути,
Что было мне делать? А ночью вчера
Стоял лишь мой верный скакун у шатра.
Ужель мог хозяин стерпеть, о мой друг,
Чтоб мучили гостя и глад, и недуг?
Пусть пропадает мой конь вороной,
Лишь добрая слава была бы со мной».
Сказал и посланников царских затем
Осыпал подарками щедрый Хатэм;
Достигло об этом известие в Рум,

И молви восторженной вызвало шум.
Но это не все о Хатэме. Сейчас
Еще занимательней будет рассказ.

Рассказ о Йеменском царе и Хатэме

Не помню я, кто-то рассказывал мне
О некоем князе в Йеменской стране;
Никто с ним сравняться не мог из царей,
Он всех превзошел добротою своей;
Он мог прозываться бы тучей добра:
Кругом изливал он дожди серебра;
Кто имя Хатэма при нем поминал,
В уныние сердце его повергал:
«Мне слушать доколь про сего хвастуна?
Где власть, где владенья его, где казна?»
Однажды роскошный устроил он пир,
Гостей угощая под музыку лир;
Вдруг кто-то Хатэма назвал, а другой
О нем отозвался с большой похвалой;
Осилил тут князя завистливый пыл –
Убийц подослать он к Хатэму решил:
«Доколь будет жив ненавистный таит,
Дотоле не сделаюсь я знаменит».
И вот, чтоб с Хатэмом покончить, пошел
К становьям таитским зловеший посол.
В дороге попутчика он получил;
Попутчик был юн, обхождением мил,
Речист, образован, приятен лицом,
К себе пригласил он посланника в дом,
Его обласкал, предоставил ночлег,
И был очарован им злой человек.
Стал утром упрашивать гостя юнец:
«Будь добр, погости хоть немного, отец!»
Ответил: «О друг, не могу я, прости!
Я важное дело имею в пути».
Но юноша молвил: «Его не таи –
К твоим приложу я усилья мои».
Ответил посол: «Поделиться я рад:
Такие, как ты, знаю – тайну хранят.
Так слушай. Быть может, известен тебе
Хатэм благородный, угодный судьбе.
Йеменскому князю, не ведаю чем,
Но стал ненавистен сей славный Хатэм.
Я послан теперь за его головой,
Хатэма ты мне укажи, милый мой!»
Юнец рассмеялся: «Хатэм – это я.
Рази! Что же медлишь? Вот шея моя!
Нисколько не думаю я о борьбе,
Препятствовать я не желаю тебе».
И так говоря, он склонился главой.

Посол, уничтоженный жертвой такой,
Простерся вдруг ниц и, поднявшись опять,
Стал руки и ноги его целовать,
Отбросил он саблю, и лук, и колчан
И молвил, смиренно склонивши свой стан:
«Ах, стал бы, убивши тебя, как злодей,
Ничтожнее баб я во мненьи мужей!»
Тут обнял Хатэма он, кроток, смирен.
Простившись, обратно пустился в Йемен.
По хмурому виду властитель прочел,
Что волю его не исполнил посол.
«Что нового, – задал ему он вопрос, –
Хатэмову голову что ж не принес?
Быть может, противник, бесстрашен и смел,
Напал, и отбить ты его не сумел?»
Приветствуя князя, посланец тогда
Простерся пред ним и воскликнул:
«О да! Нашел я Хатэма. Был доблестен он,
Красив, обходителен, мил и учен,
В нем встретил избыток душевных я сил,
Он мужеством также меня победил,
Он, щедрости тяжким навьючив тюком,
Меня поразил милосердья мечом».
Тут князю посланец о всем рассказал,
И тот разразился потоком похвал,
Мешок запечатанный злата затем
Послал он Хатэму и молвил: «Хатэм
Поистине славы отмечен клеймом,
И правда все то, что глаголят о нем».

Рассказ о пророке Мохаммеде и дочери Хатэма

Во время посланника божьего знай,
Ислама не приняли в племени Тай.
Пророк в наказание к ним двинул отряд
И пленников много забрал, говорят.
Безжалостно он приказал убивать
Безбожных, отвергших небес благодать.
Из пленниц одна заявила: «Я – дочь
Хатэма, а если не веришь, проверь.
Меня пощади, господин! Мой отец –
Величья души и добра образец».
Смягчился Мохаммед от женщины слов,
Избавить ее повелел от оков,
На прочих же пленников, жалость презрев,
Решил беспощадный обрушить он гнев.
Тогда обратилась жена к палачу
С рыданьем: «Предай и меня ты мечу!
Ужели свободой воспользуюсь я,
Меж тем как мои погибают друзья?»
Хатэмовой дочери горестный крик
До слуха посланника божья достиг,
Он всех из-за женщины этой простил:
«Немало в сем племени доблестных сил!»

Еще о щедрости Хатэма

Старик заглянул раз в Хатэмов намет,
Прося одолжить ему сахару лот;
Хатэм, услышавши мольбу старика,
Дал сахару тотчас ему полвьюка.
Жена закричала: «Так много к чему?
Сказал он, что лота довольно ему!»
Услышавши это, Хатэм ей в ответ
Воскликнул со смехом: «О племени цвет!
Он просит немного, но ты невзначай
Забыла о щедрости племени Тай».
Велик сей Хатэм, но таким же, как он,
Явился пред нами в потоке времен
Бу-Бекр, сын Саада Зенги, чья рука
Всегда утоляет алчбу бедняка.
Прибежище подданных, радуйся, царь!
Тобой да упрочится веры алтарь!
Шираз наш родимый под властью твоей
Стал Греции и Византии славней.
Ведь если бы не жил на свете Хатэм,
О племени Тайском забыли б совсем.
Досель жив в преданиях сей человек,
И ты знаменитым пребудешь вовек.
Хатэм подвизался, чтоб славу снискать,
А ты, чтоб небес обрести благодать.
Ах, добрая память навеки жива,
И также бессмертны поэта слова!

Рассказ

Завяз раз у путника в глине осел,
И путник от этого в ужас пришел.
Пустыня, и ливень, и холод суров,
И ночь опустила свой черный покров.
Что делать? Зажегся в нем ярости пыл,
Он брани ужасной потоки излил
На всех и на все, на врагов, на друзей,
На шаха – властителя тех областей...
А царь тот как раз проезжал в стороне
Со свитой своею, верхом на коне.
Услышал он ругань – стерпеть нету сил,
А всякий ответ только б сан уронил.
На дерзкого грозно властитель воззрел:
«Кто этот смутьян, что так дерзок и смел?»
Вельможа к царю обратился: «Вели
Стереть поносителя с лика земли».
Но царь в это время заметил как раз,
Что путник в беде и что ослик увяз.
К бедняге проникся сочувствием он,
Хотя перед этим и был разъярен,
Дал денег, конем заменивши осла, –
Что может быть лучше? Добро против зла! –
Тут путнику кто-то сказал: «Ты – счастлив,
Я, право, дивлюсь, что остался ты жив».
Ответил: «Меня разъярила беда,
А царь милосердным быть должен всегда».
Насильем на злобу легко отвечать,
Но к злым милосердие – вот благодать!

Рассказ

Однажды богач пред одним бедняком,
Ругаясь, захлопнул ворота в свой дом.
Куда оставалось итти бедняку?
Он горько заплакал, присев в уголку.
Услышавши плач, проходивший слепой
Спросил о причинах печали такой.
Поведал, обильные слезы точа,
Бедняк о насилии злом богача.
Слепец же сказал: «Не кручинься о том.
Тебя покормлю я, со мною пойдем!»
В жилище к себе он дервиша привел,
Его усадил он за убранный стол.
Дервиш, напившись, воскликнул: «Творец,
Тебе да поможет прозреть, о слепец!»
В ту ночь потекла у слепого слеза,
А утром открылись, прозрели глаза.
Волнуясь, твердили о том стар и мал:
«Слепец наш – не чудо ли? – свет увидал!»
Достиг этот слух и того богача,
Который прогнал бедняка сгоряча.
К прозревшему он обратился: «Открой,
Как чудо такое случилось с тобой?
Как свет ты увидел во тьме слепоты?»
Ответил: «Не я в слепоте был, а ты!
Ты был близоруким безумцем. Увы,
Хомаем ведь ты пренебрег для совы!
Мне дверь человеком была отперта,
Которого ты не пустил в ворота.
Лобзай под стопами у праведных прах,
И свет просветленья заблещет в очах.
Глазной этой мази не знают никак
Те люди, в ком слепы и сердце, и зрак».
Услышал сие возлюбивший корысть
И руки в отчаяньи принялся грызть:
«Ах, сокол чуть-чуть не попался мне в сеть,
Его я спугнул, дал к тебе улететь!»
Коль жадности зуб изострил ты, какмышь,
Напрасно поймать среброкрылого мнишь.
Коль помощи жаждешь от божьих людей,
В служении им ты себя не жалеи.
Различным пернатым приманку бросай,
Быть может, к тебе попадет и Хомай.
Мечи в разны стороны стрелы, и дичь,
Быть может, удастся случайно достичь.
Из сотни одной попадаешь стрелой.

Глянь, раковин сколько! Но перл лишь в одной!

Рассказ

Раз сына в дороге отец потерял;
Он ночью стоянку кругом обыскал.
Повсюду расспрашивал: тут или нет,
Во тьме наконец отыскал этот свет!
Придя после поисков долгих в шатер,
Вступил с караванщиком он в разговор:
«Ты знаешь ли, как мой сынок был найден?
Кого б я ни встретил, я думал, то – он».
Все мудрые ищут прилежно весь век –
Быть может, найдется в толпе человек.
Чтоб сердце найти, сколько схваток с судьбой!
Ах, сколько шипов ради розы одной!

Рассказ

С короны царевича, в сумерках, лал
Среди каменистого места упал.
Сказал сыну царь: «В темноте, о мой сын,
От камней простых отличишь ли рубин?
Сей щебень обследуй внимательно весь,
Пусть трудно найти, но рубин этот здесь».
Мудрец меж ничтожных и темных людей
Похож на такой же рубин среди камней.
И если муж избранный с шайкой невежд
Смешался, о друг, не лишайся надежд.
Стерпевши доuku от всех дураков,
Избранника встретишь в конце ты концов.
Вгляни на того, кто любовью пьян, —
Его не страшат ни вражда, ни обман.
Улыбчив, как полураскрытый гранат,
Как роза шипами, не рвет он наряд.
Напасти сноси терпеливо, любя,
Хотя б целый свет ненавидел тебя.
Любви исступленной смиреннейший раб
Во мненьи твоём и ничтожен хотя б,
С презреньем свой взгляд на него не коси —
Он может быть избранным на небеси.
Пускай он ничтожен, порочен на взгляд,
Быть может, пред господом вышним он свят.
Познания дверь перед тем отперта,
Пред кем запирают домов ворота.
Кто в жизни и нищ, и презренен, пред тем
Широко откроются двери в Эдем.
Коль ты из достойных и мудрых людей,
Целуй у царевича руку скорей.
Сейчас он в забвенье, но близится срок —
Возвысивши верных, воссядет высок.
Не жги стебель розы осенней в огне,
Коль хочешь цветов от нее по весне.

Скупой отец и расточитель-сын

Один человек, хоть и был он богат,
Боялся, скупясь, самых маленьких трат.
В свое удовольствие жить не хотел,
А также не делал и добрых он дел.
Сребро он и злато держал под замком,
А сам был того и другого рабом.
Однажды он прятал под землю добро,
А сын подглядел, притаившись хитро.
Он вынул оттуда припрятанный клад
И золото стал расточать, тароват.
У щедрых не держится злато: рукой
Одной получив, расточают другой.
Скупец был проделкою той разорен,
Предался отчаянью, горести он.
Он платья распродал иль отдал в заклад,
А сын между тем был и весел, и рад.
Терзался отец и не спал по ночам,
А сын говорил, предаваясь пирам:
«Коль злато под спудом, не все ли равно,
Лежит ли там камень простой иль оно?
В погоне за золотом рушат гранит,
Чтоб был ты с друзьями и весел и сыт;
Но, право, бесцелен добытчиков труд,
Коль злато добытое прячут под спуд».
Не диво, коль смерти желает твоей
Семья, если был бессердечен ты с ней,
Наследством твоим насладиться хотят,
Когда упадешь ты, как с гор водопад.
Взгляните на скрягу! Не правда ли, он
Сидит, точно клад стерегущий дракон?
Богатства не тронут, покуда над ним
Тот кладохранящий дракон невредим,
Но будет низвергнут он смерти пращой,
И люди разделят тот клад меж собой.
Собравши богатство, используй скорей,
Пока ты не сделался пищей червей.
Коль ты прозорлив и разумен, следи –
Полна назиданья поэма Са’ди,
И если его не отринешь ты речь,
Насущную пользу сумеешь извлечь.

Рассказ о ничтожном благодеянии и великой награде

Один человек, пожалев старика,
Купил благодарность ценой медяка,
Но позже свершил преступление он
И был властелином на смерть осужден.
По случаю казни волнение умов,
Народ любопытный на кровлях домов.
Был тут же и нищий. Что ж видит? О страх!
Его благодетель под стражей, в цепях.
О том подаянии вспомнил старик,
В нем глас сострадания к бедняге возник,
И крик иступленный он поднял тогда:
«О люди! Султан наш скончался! Беда!»
Кричал он и руки ломал над головой.
Услышавши крик сей, турецкий конвой
С испуганным воплем, себя по лицу
И в грудь ударяя, помчался к дворцу;
Примчались к султанским палатам стремглав
И видят, что царь их по-прежнему здрав.
Преступник меж тем в суматохе сбежал,
А схваченный старец пред шахом предстал.
Спросил его шах: «Отвечай мне, старик,
Что значил безумный и дерзкий твой крик?
Я верой и правдою правил страной,
Зачем же народу грозил ты бедой?»
Бестрепетно шаху ответил дервиш:
«О ты, что со славой над миром царишь!
От криков моих не страдал ты ничем,
Несчастливого спас я от казни меж тем!»
Властитель был речью такой изумлен,
И старцу простил прегрешение он.
А бедный преступник меж дебрей и скал,
На каждом шагу спотыкаясь, бежал.
Спросил его встречный: «Поведай, о друг,
Как мог ты от казни избавиться вдруг?»
Ответил бежавший: «Меня – то не ложь –
Спасла благодарность за доданный грош».
Ведь в землю затем зарывают зерно,
Чтоб пищу давало голодным оно.
Смотри, сколько пользы порой от гроша,
От камешка пал Голиаф, не дыша.
Сей мысли пророка и честь, и хвала,
Что щедрость и благо – гонители зла.
Поэтому в царстве Бу-Бекра Зенги
Не знают о том, что такое враги.
Всем миром владеть я желаю тебе,

Чтоб мир приобщился счастливой судьбе,
Ведь в царстве твоём благоденствует люд
И розы без терний колючих цветут.
В сем мире ты тень от лучей божества,
И память пророка в тебе так жива.
А если не всеми ты признан, о шах,
Что ж? Тайны не всем открывает Аллах!

Рассказ

Раз некто во сне увидал страшный суд.
Вопит в иступленьи и в ужасе люд.
От зноя земля – раскаленная медь,
Мозги у людей начинают кипеть.
Лишь в муже едином смятения нет –
Он в платье избранников божьих одет.
«Скажи, о избранник, – тут спящий воззвал, –
Кто в пользу твою на суде показал?»
Ответил: «Пред дверью моею лоза
Росла, и под ней утомленно глаза
Смежил божий странник, нуждой изможден.
Проснувшись, взмолился к создателю он:
«Сего человека спаси, о мой бог!
Он мне отдохнуть от страданий помог».
Ах, снова напомнил мне этот рассказ
Владыку, под чьим управленьем Шираз.
Под сенью его весь ширазский народ
Над скатертью благ и вкушает и пьет.
Кто щедр, тот – плодовое древо садов,
Другие ж – бесплодное древо для дров.
Бесплодное древо, срубивши, сожгут,
Плодовое древо всегда берегут.
О, многие лета тебе! Каждый день
Даришь ты плоды и богатую тень!

О недостойных милосердия

Я много сказал здесь о щедрости слов,
Но знай, что не всякий достоин даров.
Да будет злодей разорен и казнен,
Стервятник лихой оперенья лишен.
Своих ненавистников ведая цель,
Злодеев оружием снабдишь ты ужель?
Исторгни колючий кустарник, о шах,
И только заботься о древе в плодах.
О шах, только тех назначай к должностям,
Кто ласков и чуток и добр к беднякам,
Но милостив к злобным не будь потому,
Что зло нанесешь ты народу всему.
Пожаром грозящего бойся огня:
Ведь лучше единая смерть, чем резня.
Коль ты снисходителен будешь к ворам,
Как будто бы путников грабишь ты сам.
Казни, чтоб простыл от насильника след.
Насилье насильнику лучший ответ!

О милости к недостойным. Рассказ о жене и муже

Осиный на кровле заметивши рой,
Хозяин хотел его сбросить долой.
Жена возразила: «Не трогай ты их,
Бедняг не сгоняй ты с местечек родных».
Послушался муж. Но однажды напал
На женщину рой миллионами жал;
По дому, по кровле металась она,
От боли вопя. Муж сказал ей: «Жена,
Сама ты сказала мне: ос не тревожь,
Все вопли и стоны теперь для чего ж?»
Кто злому поможет, тем самым, поверь,
Он людям готовит немало потерь.
Заметив злой умысел, острым мечом
Покончи немедля с народным врагом.
Не может быть пес так же чтим, как и гость,
Достаточно, ежели бросишь ты кость.
Прекрасно сказал селянин: «Тяжелей
Навьючивать надо строптивых коней».
О сне безмятежном и думать когда ж,
Коль вовсе ленив и небдителен страж?
В военное время тростник лишь для пик,
А сахарный нам бесполезен тростник.
Добро не для всех. Одному – серебро,
Другого учи, сокрушая ребро.
Постройку на зыбком песке ты не строй:
Обрушиться может она над тобой!

* * *

Страдальцы любви, я завидую вам.
Знакомы вам язвы, знаком и бальзам!
Вы нищи, презрев и богатство, и власть,
Вам жизнь украшают надежда и страсть,
Вы пьете бестрепетно чашу тревог.
Вы пьяны словами: «Не я ли ваш бог?»
Для пьяных похмелия муть – вот беда!
И к розе в шипах острых путь – вот беда!
Но горькую чашу злосчастия ведь
Вы ради любимого рады стерпеть,
Не ропщет, кто страсти цепями пленен,
И путы порвать не старается он.
Хотя и безвестны сии бедняки,
Духовной путины они знатоки;
Упреки снося, пьяны страстью бредут:

Охваченный страстью, выносив верблюд.
К их счастью пути не ищи: скрыт он тьмой –
Так мраком окутан источник живой.
Снаружи так жалок их вид, но внутри,
Как в городе с ветхой стеной – алтари.
Сгорает в огне мотыльком, кто влюблен,
Как червь шелковичный не вьет он кокон,
Всегда от довольства мечты далеки, –
Он жаждой томится на бреге реки.
Не мню, чтоб широко разлившийся Нил
Безмерную жажду его утолил.

Земное, как мы, полюбив существо,
Всецело любви предаем естество.
От милых ланит мы в безумьи весь день,
И ночью пред нами любезная тень.
Коль видим любимого мы пред собой,
Ничтожен и жалок нам мир остальной.
Коль злато наш друг презирает, оно
Становится глине иль праху равно.
Ах, мы на людей остальных не глядим,
Все сердце всецело захвачено им!
Все время в очах обожаемый лик,
А очи закроем – он в сердце возник.
Не в силах мы жить без сего существа,
И нам безразличны упреков слова.
Захочет он душу из тела извлечь –
Бестрепетно, радостно ляжем под меч.

Ах, если над душами власть такова
Земного, подобного нам, существа,
Что ж думать о тех, кто любви иной
Захвачен, затоплен всесильной волной?
Для высшей любви те пожертвуют всем,
И мир весь для них и не нужен, и нем.
Для истины свой позабудут народ,
Пленные кравчим, расплещут свой мед.
Нет средства от этих страданий и мук,
Скрывают они ото всех свой недуг.
«Не я ли ваш бог?» – в их сердцах навсегда,
Навеки в их душах ответное – да.
Отшельников ноги во прахе пустынь,
Но в душах пылает огонь благостынь.
Как ветер, незримы и живы, как он,
Как камень, тверды, молчаливы, как он.
Их чистая, утром пролившись, слеза
Мгновенно от сна омывает глаза.
В ночи, до упада загнавши коней,
Они об отсталости плачут своей.

Любви и страданию предавшись, они
Не знают различья: где ночи, где дни.
Творца красоты до конца возлюбив,
Они позабыли о тех, кто красив.
Красу в оболочке находят глупцы,
Лишь в сущности ищут ее мудрецы.
Взяв чашу с блаженным экстаза вином,
Забудьте о мире и этом, и том.

Рассказ

Один попрошайка настолько был смел,
Что к царскому сыну любовь возымел.
Его охватил лихорадочный пыл,
Безумные грезы лелея, бродил,
Стоял на пути, точно столб верстовой,
Иль вслед за конем он бежал, как шальной.
От слез под ногами у нищего грязь,
Все сердце изранил несчастному князь.
Придворная челядь, прознавши о том,
Ему запретила ходить пред дворцом.
Ушел он, но можно ль осилить любовь?
И к царским палатам вернулся он вновь.
Побоями нищего встретил слуга:
«Твоя чтобы здесь не ступала нога!»
Бежал и вернулся. Усердие слуг
Напрасно, коль отнял спокойствие друг.
Хоть муху и гонят, опять и опять
Все ж будет на сахар она прилетать.
Сказал ему некто: «Послушай, чужак,
Ужель для тебя так приятен тумак?»
Ответил дервиш: «Не пристало рыдать,
Побои от друга – одна благодать!
Придет ли взаимность, придет ли вражда,
Но чувство мое неизменно всегда!
Ах, если и здесь угнетает печаль,
Ужель принесет избавление даль?
Терпеть нету сил, и порвать не могу,
Забыть нету сил, и бежать не могу.
Я крепко привязан к порогу палат,
Я – гвоздь у шатра, а любовь – как канат.
Не лучше ль погибнуть в огне мотыльку,
Чем кануть во мрак, пустоту и тоску?» –
«А если ударит човганом сплеча?» –
«Что ж? Буду човгану я вместо мяча!» –
«А если взнесет он отточенный меч?» –
«Так что же? Пусть голову сносит он с плеч!
Я, право, не знаю, о друг, что со мной?
Венец иль топор над моей головой?
Меня к терпеливости ты не зови,
Смиренью, забвенью нет места в любви!
Когда б даже стал как Иаков я слеп,
Все ждал бы узреть, как Иосиф мой лен.
На мелочь обидеться может ужель
Изведавший страсти пленительный хмель?»
Раз стал он у князя лобзать стремя,

Тот гневно назад осадил скакуна,
Но нищий воскликнул, смеясь: «От меня
Зачем повернуть захотел ты коня?
Разгневался ты, о мой князь, на кого?
В ничто обратилось мое существо.
И если грешу я – виновен не я;
Тобою наполнена сущность моя.
И если я дерзко лобзал стремяна,
В поступках природа моя не вольна.
С тех пор как огонь сей зажегся в крови,
Все отдал я в жертву несчастной любви.
Меня ведь убил ты стрелами очей,
К чему еще саблей грозишься своей?
Валежник сухой подожги и ступай,
А лес осужденный пылает пускай!»

О самозабвении в любви

Под звуки чарующей музыки раз
Пустилась плясунья прелестная в пляс.
Огонь ли пылавших в собраньи свечей,
Иль пыл от сердец восхищенных людей
Ей платье поджег и ее испугал.
«Не бойся, – один из влюбленных сказал. –
Смотри, у тебя обгорела пола,
Мое же все сердце сгорело дотла».
Слиянья с любимым познай благодать,
Забыв между ним и собой различать!

Рассказ

«У старца, – поведал мне странник один, –
В пустыню спасаться отправился сын.
Отца он в кручину разлуки вовлек,
И это поставили сыну в упрек.
Я позван был другом, – ответил аскет, –
Родных и друзей для меня больше нет,
Божественный образ увидел мой взор
И все остальное – лишь призрак с тех пор.
Укрывшись сюда, не пропал я, о нет!
За тем, что утратил, пошел я вослед“».

В сем мире есть некая кучка людей,
Сочтешь их за ангелов иль за зверей.
Как ангелы, хвалят немолчно творца,
Как звери, бегут от людского лица.
В них мощь, в них и слабость, – безумье и
И ясность рассудка, и пьянственный шум.
То чинят лохмотья в смиреньи они,
То жгут их, кружась в исступленьи, они.
Забыв о себе, позабыли других,
Никто не допущен к радениям их.
Всегда в исступленьи их разум, а слух
Упорно ко всем увещаниям глух.
Но утка не может в воде утонуть,
Огонь саламандре не страшен ничуть.
Хоть нищи добром, да богаты душой,
Бредут в одиночку пустыней сухой.
Они далеки от обычных дорог,
У них лишь одно устремление – бог!
Они на людей не похожи никак,
Под рясой которых безверья кушак.
Приятны, полезны они, как лоза,
А мы хоть и в рясах, но лжем за глаза.
Их внешность груба, неприглядна, строга –
Так раковин створки таят жемчуга.
Есть люди: по виду – создание небес,
Но в их оболочке скрывается бес.
В них нету души: избегай сих людей,
В них кожа одна да скрепленье костей.
Не в каждой груди трепетанье души,
Рабы для владыки не все хороши.
Коль жемчугом станут все капельки рос,
На рынке им будет набит каждый воз.
Кто истинно к богу стремится, тому ль
Потребна неверная поступь ходуль?

Словами: «Не я ли ваш бог» опьянен,
До судного дня будет помнить их он.
Ничто утрашить бы его не могло:
Любовь, точно камень, а страх, как стекло!

Рассказ о владычестве любви

Жила в Самарканде девица одна,
Не речи, а сахар роняла она.
Блеск солнца затмивши своей красотой,
Подвижников строгих смущала покой.
Как будто, создав ту девицу, творец
Явил наивысший красоты образец.
Пойдет ли – следят все влюбленно за ней,
Пожертвовать рады душою своей.
Бродил постоянно за ней по пятам
Влюбленный один. Увидав его там,
Раз дева воскликнула гневно: «Конец
Надеждам своим положи, о глупец!
Ты мне на глаза попадаться не смей,
Не то распростишься ты с жизнью своей!»
Сказал ему некто: «Довольно, забудь!
Доступней предмет поищи где-нибудь.
Ты здесь ничего не добьешься, меж тем
От горя-тоски пропадешь ты совсем».
Услышал влюбленный безумец упрек,
И с тяжким стенаньем в ответ он изрек:
«О, пусть обнажит беспощадный кинжал,
О, пусть бы во прах я, сраженный, упал.
Прохожие скажут тогда надо мной:
Сражен он жестокой любимой рукой.
Умолкни, меня не брани, не порочь:
Не в силах уйти от любимой я прочь,
К отказу от страсти меня не зови,
Себя пожалей, коль не знаешь любви.
Оставь же меня. Я готов ко всему,
Я с радостью смерть от любимой приму.
Ночами бываю я жертвой огня,
Но утро опять возрождает меня.
Ах, если умру у нее на глазах,
То с ней повстречаюсь я в райских садах!»
Не бойся любви, к ней навстречу иди:
Сраженный любовью, воспрянул Са'ди.

Притча

Вскричал убиваемый жаждою: «Ах,
Блажен, кто теперь утопает в волнах!»
Сказали ему: «Одинаков конец –
От жажды ль придет, от воды ль, о глупец!»
Ответил: «О нет! Погибая средь вод,
Уста омочить я успел бы вперед.
Кто жаждет, тот бросится в воду, забыв
О том, что назад не вернется он жив».
За милого, любящий, крепко держись,
Коль смерти захочет твоей, согласишься.
Чтоб райского стал ты достоин житья,
Пройди через ад отречения от «я».
Бывает трудом хлебобороб угнетен,
Но, жатву собравши, покоится он.
На пиршестве страсти блажен только тот,
Кто в руки заветную чашу возьмет.

Рассказ

Вот что повествуют путей знатоки,
Бродяги-провидцы, цари-бедняки:
Однажды в мечеть попрошайка-старик,
Прося подаяния, утром проник.
«Послушай, ведь здесь не жилище людей, –
Сказали ему, – здесь канючить не смей!»
Спросил попрошайка: «Так чей же сей дом?
Ужель бессердечны живущие в нем?»
«Умолкни, – сказали ему, – не грехи
В дому господина вселенской души».
Взглянул на михраб, на лампы старик
И издал при виде их горестный крик:
«Как горько отсюда пускаться мне в даль,
От этих дверей удаляться как жаль!
Нигде не встречал я отказа мольбам,
Ужель мне откажут входящие в храм?
Нет! Здесь протяну я просительно длань
И верю: никто мне не скажет – «отстань!»
Остался и, длань простирая вперед,
Как нищий, в мечети он жил целый год.
Но вечером как-то бедняга постиг,
Что смертный к нему приближается миг.
Его осветили свечой в ранний час –
Как утром светильник, старинушка гас.
Шептал он (прислушайтесь к этим словам):
«Толцйтесь, и двери отверзятся вам».

Коль истин взыскуешь, исполнися сил;
Ах, разве бывает алхимик уныл?
Ведь злата потерю готов он стерпеть
В надежде, что золотом сделает медь.
Все можно на злато купить, но ценней
Нет вещи, чем близость к любимой своей.
Но если любимая мучит тебя –
Ищи, и другая утешит, любя.
Напрасными муками сердце не мучь –
Огонь сей погасит живительный ключ.
Но если нет равной по прелести ей,
Терпи и довольствуйся долей своей.
Тогда лишь с мучителем сердца порви,
Коль можешь утешиться ты без любви.

Рассказ

Очей некий старец всю ночь не смыкал
И утром молитвенно к богу взывал.
Но голос таинственный молвил в ответ:
«Бесплодны моления твои, о аскет!
Господь не услышал твой стон и мольбу,
Ступай и оплакивай злую судьбу».
И снова всю ночь промолился старик;
Догадливый молвил ему ученик:
«К чему же напрасно стараться теперь?
Сия пред тобой не отверзется дверь».
Кровавые слезы струя по лицу,
С отчаяньем старец ответил юнцу:
«О юноша! Здесь бы я зря не стоял,
Когда бы другую дорогу я знал.
Коль другу уехать желанье пришло,
Я сзади рукой ухвачусь за седло.
Тогда лишь от двери уйду я, поверь,
Коль будет другая доступная дверь.
Я знаю: на эту наложен запрет –
Что ж делать? Иного ведь доступа нет».
Так молвив, на всякую жертву готов,
Поник он. Но с неба послышался зов:
«Хоть ты недостойно, несправедно жил,
Приди! Постоянством стал богу ты мил».

Рассказ

Про мужа одна молодая жена
Отцу говорила, печали полна:
«Ужель ты потерпишь, чтоб мой муженек
Меня на печальную долю обрек?
Поверь, о родитель, страдать никому,
Как мне, не приходится в нашем дому.
Мы рядышком с ним, как двоешка-миндаль,
Должны бы делить и восторг, и печаль,
А он между тем вечно мрачен на вид,
Улыбкой меня никогда не дарит».
Внимательно в жалобу дочери вник
И молвил почтенный и мудрый старик:
«Тебя красотою пленил он, о дочь,
Что ж делать? Печаль ты должна превозмочь».
Коль милому в мире подобного нет,
Терпи, ибо с ним разлучаться не след.
О, как убежишь от того, кто с тобой
Мгновенно покончит, кивнув головой?
Склонись перед богом. Он твой господин,
Над всею вселенной хозяин один.

Рассказ

Однажды хозяин раба продавал,
Я слышал, как горестно раб простонал:
«Хозяин рабов и получше найдет,
Но я-то найду ли подобных господ?»

Рассказ

Жил в Мерве пленительный врач. Он в сердцах
Царил, как царят кипарисы в садах.
Но был равнодушен он к чарам своим,
А также к страданиям пленившихся им.
Я слышал слова чужестранки больной:
«С тех пор, как я вижу его пред собой,
К чему исцеленье? Хворать я хочу:
В болезни я буду поближе к врачу».
Как часто на ум выдающийся власть
Свою налагает любовная страсть!
Всевластно над ним торжествует любовь,
И к жизни воспрянуть не может он вновь.

Рассказ о победе любви над разумом

Перчатки железные некто надев,
Решил, что его не осилит и лев,
Но зверь так насел на сего чудака,
Что силы не стало, ослабла рука.
Ему закричали: «Крепись, не робей!
Ударь рукавицей его посильней!»
Но, зверем измятый, бедняк возопил:
«Перчатка, увы, не прибавит мне сил!»
И разум пред страстью любовной, поверь,
Вот так же, как эти перчатки и зверь.
Хотя б ты доспехи носил на плечах,
Ослабнешь бесславно во львиных когтях.
Коль любишь, отбрось рассуждения ты:
Ведь мяч, о читатель, – игрушка лапты!

Рассказ

Вступили в супружество двое людей
Из родственных двух именитых семей.
Супруга довольной казалась вполне,
Но муж отвращения был полон к жене.
Супруга к нему устремлялась душой,
Но хмурился муж, раздраженный и злой.
Рядилась жена, чтобы муж полюбил,
А он у создателя смерти просил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.